

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Инна Балтийская

Принц
на горошине

Инна Балтийская

Принц на горошине

Серия «Детективы о женщине-цунами»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625825

Принц на горошине: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-49157-5

Аннотация

Как очаровать женоненавистника за пять минут? Ни ум, ни красота здесь не помогут. Остается только чувство юмора. Полина смеялась до колик при виде Саши, забившегося в угол в их первую встречу. В итоге девушка приобрела не только щедрого поклонника, но и верного друга. Что оказалось особенно важным, когда ей пришлось расследовать серию смертельных отравлений цианидом. А началось все с убийства лучшей подруги Людки – страшной сплетницы, брюзги и вредины. Но ведь за это жизни не лишают, не правда ли? Полина и Саша думают так же, поэтому и взялись за поиски наглого и неуловимого преступника...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Инна Балтийская

Принц на горошине

Все события в романе – плод авторского вымысла. Любые совпадения имен и событий являются случайными.

Глава 1

Эта история началась в апреле, когда я почти полгода прозябала без работы.

– Чао, Земфира! А у меня для тебя халтурка подвернулась – закачаешься! – голос Моники, хозяйки гадального салона, казался приторно-сладким, как медовый сироп. – Да помню я, помню, ты гадалка хорошая, а шантажистка плохая. Я тебе вовсе не это хочу предложить. Нет, дорогуша, это не телефонный разговор. Приходи завтра в салон в любое время, я тебе все расскажу да покажу. Полный восторг!

Если б не безвыходное положение, я наверняка отклонила бы приглашение. Но увы... Когда несколько месяцев назад гадальный салон «Зазеркалье», где я работала, трагически скончался вместе с хозяйкой, я не сразу оценила масштаб катастрофы. Я умела хорошо гадать, кроме того, освоила целую кучу бесценных умений – на счет «раз» лечила алко-

голизм, снимала порчу и «венец безбрачия», не говоря уже о сглазе и прочих мелочах. Вот только применить ценные навыки после гибели салона оказалось негде. Таскать толпы «порченого» народа к себе домой я опасалась. Как выяснилось, не напрасно.

Зимой мне позвонила знакомая пожилая гадалка по имени Кассандра:

– Полина, выручай! Я знаю, ты к любому чудаку подходишь. Давай пришло к тебе парня, ты с ним побеседуешь, он хорошо заплатит, и на мою благодарность смело можешь рассчитывать.

Я согласилась выручить приятельницу. Сергей оказался юным пареньком, недавно окончившим школу. У Кассандры он хотел узнать, куда лучше пойти учиться. Гадалка раскинула карты, дала пару дельных советов, а потом...

– Представляете, она установила со мной астральную связь! – доверчиво пожаловался мне Сергей. – Я сразу и не заподозрил плохого. Вышел от этой Кассандры, подхожу к остановке, и вдруг в голове ее голос раздаётся:

– Сергей, в полночь ты должен ко мне прийти!

– Куда? – оторопев, выпалила я.

– Домой, конечно! – уверенно ответил парень. – Да на фиг она сдалась мне, старая карга!

Но гадалка прочно поселилась в его больной голове.

– Прикиньте, иду я по улице, никого не трогаю, – жаловался он мне. – И вдруг в моей голове ее голос: «Сергея, та-

кой-разэтакий, а ну ко мне иди! Да поживее, а то хуже будет!» Я ее, естественно, на х*й шлю, так не отстаёт же, зараза! Ругаться со мной начинает. Дома книжку читаю, а она опять ко мне в голову лезет, соблазняет. Ну никак от гадины не отвязаться. Может, и в самом деле сходить к ней, морду набить?

Я пришла в ужас и убедила парня, что никому морду бить не надо, я бесплатно проведу очищение, и астральная связь тут же разорвется.

И правда, связь с Кассандрой тут же разорвалась. Зато установилась... со мной. Теперь по вечерам я не снимала трубку домашнего телефона – там тут же раздавался дикий вой:

– Убирайся из моей башки, старая вешалка! Прибью, с*ка!

Через пару недель я сама вполне дозрела до психдиспансера – у меня тряслась левая рука и подергивался правый глаз. Тем не менее голод не тетка, и иногда принимать дома клиентов все же приходилось.

Но тут я узнала, что бывшая коллега открыла собственный салон «Пани Моника», и пошла к ней на поклон.

– Полина, ну уж кого-кого, а тебя я точно возьму, – обнадежила Моника. – Тем более, ты же у нас частный сыщик, расследованиями увлекаешься? У меня тебе будет раздолье. Гадаешь ты отлично, очищаешь и «венец» снимаешь тоже классно. Главное, когда к тебе очередная брошенка или же-

на алкоголика придет или кто решит чужого мужа приворожить, ты все, что они рассказывают, тщательно записывай. И обязательно ее имя спрашивай, адрес, место работы. Мало ли для чего пригодится.

– Моника, ты прости, но, боюсь, воспользоваться этой информацией я все равно не смогу. Плохая из меня получится шантажистка.

Хозяйка салона заливисто расхохоталась.

– Да кто же тебя просит шантажировать? Ты мне все записи передавай, я уж как-нибудь сама разберусь.

Из вежливости я обещала подумать над ее предложением и тут же о нем забыла. Но вот прошло почти полгода, на дворе стоял апрель, все заработанные непосильным трудом деньги давно закончились, и жили мы с мамочкой только на ее маленькую пенсию и на гонорары от тех редких клиентов, которых я решалась принимать дома.

Клиентов присылали мои знакомые, никак не связанные с гаданием. Коллегам я больше не доверяла. И некоторое время все шло хорошо. Я снимала порчу, родовое проклятие и венец безбрачия, и дамы были вполне довольны. Проблемы начались, когда одна клиентка потребовала порчу вернуть.

Эта женщина с потухшими глазами пришла ко мне пару месяцев назад с фотографией сизоносого мужика. Сизоносый оказался ее мужем, который, потеряв год назад хорошую работу, с горя запил и теперь валяется дома, бревно бревном. На дочку внимания не обращает, на работу не устраивается.

Наверняка кто-то позавидовал их семейному счастью и проклял!

Прямо по фотографии я лихо сняла порчу и дала безутешной жене заговоренную жидкость, велев подлить ее мужу в очередную бутылку. Как всегда, мой заговор подействовал. Отхлебнув снадобья, мужик пить перестал. В благодарность его жена принесла мне коробку конфет и на пару недель исчезла из виду. Но в один прекрасный вечер объявилась на пороге квартиры в жуткой истерике:

– Он перестал пить, но он меня ненавидит и говорит, что уже давно! Он хочет нас с дочкой выгнать из дома, а квартиру продать! Он даже покупателей нашел... Пусть уж лучше пьет!

Увы, как заставить мужика снова пить, я не знала. На мой взгляд, теперь помочь этой семье мог хороший юрист, но никак не гадалка. Я посоветовала даме пойти к адвокату, но она продолжала скандалить, пока я не сдалась. Пришлось провести по фотографии новый обряд очищения, денег за это я не взяла, и результата тоже, разумеется, не было.

Дама звонила мне, рыдала в трубку, грозилась убить себя, мужа и дочку и по вечерам регулярно ломилась в квартиру. Дверь я ей больше не открывала, но адреналина у меня теперь было в избытке.

Другой клиент с ходу покорил меня нежным отношением к любимой жене Тамаре. Та вела бизнес, а муженек старался по хозяйству и свято верил в заговоры, привороты и пор-

чу. Пару раз он мирно гадал на бизнес любимой женушки, а потом сообщил, что фирма Тамары Евсеевой участвует в крупном строительном конкурсе и я должна навести порчу на ее главных конкурентов – фирму «Камнепад». И горе мне, если они не передохнут или не разорятся еще до того, как объявят результаты конкурса.

Но это были еще цветочки. Ягодки начались, когда ко мне пришла парочка внушительных ребят, представились коммерческими директорами фирмы «Камнепад» и потребовали навести порчу на Тамару Евсееву.

После того как количество неадекватных клиентов достигло критической массы, я поставила вместо деревянной бронированную входную дверь. Теперь по вечерам мне приходилось сидеть дома, и даже к телефону подходить я не решалась.

А между тем ручеек желающих погадать все скудел, и матушка все грустнела...

Так что новое приглашение Моники пришлось весьма кстати. В крайнем случае, не понравится мне ее очередное предложение – уйду, держать никто не будет. И с утра пораньше я поплелась в салон «Пани Моника».

Но хозяйка салона поразила меня в самом начале беседы:
– Полина, ты как к гомосексуалистам относишься?
– Да я вроде к ним вообще не отношусь... То есть спокойно. А тебя-то почему этот вопрос заинтересовал? Ты собираешься открыть гей-клуб?

– Подожди, потом отвечу. Лучше скажи, как ты думаешь, наша большая звезда – Филипп Килколов с Аллой Кумачевой на самом деле когда-нибудь спал?

– Ты знаешь, никогда об этом не задумывалась, – честно ответила я. – Все как-то времени не хватало серьезно поразмышлять об их интимной жизни.

– А ты сейчас подумай.

Я честно задумалась и через несколько минут выдала:

– Сомневаюсь, что они вместе спали. То есть я сначала верила, что любовь у людей, а потом он обхамил журналистку, такую молодую, красивую, в красной кофточке. А уж когда он свою помощницу ногами побил... Теперь я уверена, он точно женщин не любит. Его мои знакомые даже называть после этого стали – Филипп Педеросович.

– И тем не менее он был женат. Как ты думаешь, зачем?

– Пыль людям в глаза пускал. А почему, собственно, я вообще должна об этом думать?

– Скоро объясню. Ты вот о чем еще поразмысли: только в Москве встречаются мужики, которые женщин не любят?

– Да что ты, везде они есть.

– Вот именно. А народ их не любит. Раньше им плевать было, а теперь маскируются.

Вот депутат Гаврошин, которого считали голубым аж до синевы, женился на девушке, только закончившей школу, и через несколько месяцев прессе сообщили, что она уже беременна. А через положенный срок на свет появился ребеночек.

НОК.

– Ты что, в самом деле поверила, что бывший депутат Гаврошин со своей молодой супругой завели ребеночка естественным путем, то есть через постель? – продолжала Моника. – Да он к женщинам относится, как к гремучим змеям. в руки никогда не возьмет.

– Ты думаешь, ребенок не от него? – усомнилась я.

– От него, от него, не сомневайся. Знаешь, до каких успехов современная медицина дошла? Ребенка делают в пробирочке, затем помещают тебе в животик, а через девять месяцев ты спокойненько рождаешь. Так что ребенок общий у вас будет, не сомневайся даже. И при этом вы с мужем твоим, отцом ребенка, даже ни разу в постели не встретитесь. Вот так и Гаврошины эти выкрутились...

– Да пусть у них ребенок хоть пальцем деланный – мне-то что? – не выдержала я. – Или ты меня просто посплетничать позвала? Тогда спасибо тебе большое, я много нового узнала. Может, уже пойду помаленечку?

– Подожди, вот торопыга! – все так же ласково пропела Моника. – Сейчас чайку вот попьем...

– Спасибо, что-то аппетит пропал...

– Я тебе говорю – не торопись! Тебя все это очень даже касается! Наши политики-педерасты какие-то пуганые стали и решили последовать примеру российских поп-звезд: заводить себе женщину-ширму. По ночам такой «голубой» политик с мальчиками утешается, а днем подругу или супругу

в свет выводит. И нужны им для прикрытия умные и симпатичные дамы – не слишком молоденькие, но и не старухи. Ты по всем показателям подходишь. Пойми же, девочка, это золотая жила!

– Да где я этих самых политиков найду?

– Так разве я тебе голову бы морочила, если бы у меня никаких предложений дельных не было? У меня тут целая картотека собрана. Из педерастов, педофилов, импотентов и прочей нечисти. Кстати, не только политики ищут «живую ширму». Многие видные бизнесмены тоже не хотят свои неправильные секс-пристрастия афишировать. Да что там бизнесмены, и обычные мужички-голубочки иногда стесняются. Тоже хотят девочку для виду завести, чтобы родителей да прочих родственников успокоить. Только у них денег маловато, неинтересные они для нас с тобой.

– То есть ты мне предлагаешь работу «ширмы», – для порядка уточнила я. – Допустим, я соглашусь...

– Конечно, ты согласишься! – от возбуждения Моника аж запела высоким фальцетом! – Ты согласишься и не пожалеешь! У тебя будут роскошные наряды, сколько угодно денег и драгоценностей! Ты сможешь объездить весь мир! И работать тебе ни дня не придется, разве что для собственного удовольствия.

– А как же любовь, семья, ребенок, наконец?

– Да ты чем слушала? Понравится твоему голубку, как ты роль исполняешь, так он на тебе с радостью женится! И ре-

бенка заведете, не сомневайся.

– А тебе это все зачем?

– Так я за хорошую девочку процент получаю. – засмеялась Моника. – А ты думала, я так педерастов люблю, что за бесплатно их благодетельствовать готова? Кстати, а у тебя незамужних подруг нету?

Я вспомнила Люду, школьную подружку. В последнее время я была слишком занята поисками маньяков и виделась с подругами очень редко, но вроде бы краем уха слышала, что Люда недавно второй раз развелась...

– Есть одна, дважды разведенная...

– Классно! – обрадовалась Моника. – Значит, она не понаслышке знает, что все мужики козлы. Так какая разница, один козел в доме или другой... Надо того брать, у которого капуста больше. Да, а она на лицо как – не страшная?

– Невысокая пухленькая брюнетка, такая аппетитная, что у мужиков слюнки текут. То есть это у натуралов, как она педерстам и импотентам понравится – не знаю. Я другого не понимаю: Моника, ты ведь сама не старая. Почему бы тебе не выйти замуж за одного из своих клиентов? Если все так радужно, как ты расписываешь, ты получила бы за один этот брак больше денег, чем за всех своих девочек!

– Мне 45 лет. – вздохнула Моника. – На таких, как я, спрос невелик. То есть обычные мужички, может, и согласились бы, да с них какой навар... А политики с бизнесменами за свои деньги хотят помоложе да посимпатичнее, чтобы не

стыдно было людям предъявить. Им жену-красавицу подавай, чтобы у мужиков-избирателей слюнки потекли. Ну так что, перейдем к выбору кавалера для тебя?

Я глубоко задумалась, Моника сидела тихо и меня не торопила. Мне уже стукнуло 28 лет, а принца на белом коне все нет на горизонте. Так что выбор у меня весьма интересный: бедность в гордом одиночестве или богатство в фиктивном браке. На что же мне решиться?

Глава 2

То, что он отличается от других парней, он понял не сразу. Пацаны из его класса вешали на стены портреты обнаженных красоток, а он, бывая у них дома, не знал, куда отвести глаза. После школы, в институте, ему легче не стало. Однокурсники вовсю крутили романы, взхлеб рассказывали о своих похождениях... а он молчал. Для него существовала лишь одна женщина в его жизни, его мать. Рано овдовевшая женщина всю свою любовь отдавала ему, единственному сыночку. И воспитывала его как маленького мужчину – он ухаживал за ней, подавал ей кофе в постель, они вместе ходили гулять по городскому парку, и он галантно нес за матерью ее маленькую сумочку...

Половое созревание у него началось довольно рано, и тут любовь к матери сыграла с ним злую шутку. Первые эротические порывы его испугали. Ведь рядом все время находилась любимая женщина, источающая свой неповторимый аромат. Он чувствовал, что именно этот неуловимый аромат и вызывает томление в груди и спазмы внизу живота. Он невольно тянулся к сидящей рядом на диванчике матери, и тут же сознание одергивало: «Как можно, это же инцест!» И на смену возбуждению приходила тошнота и отвращение к себе.

А днем оказывалось, что такой же запах, запах женщины, источают и другие. Девчонки, сидящие в парке, однокласс-

ницы, потом однокурсницы. Но этот аромат в его подсознании был слишком тесно связан именно с матерью. И, вдохнув его, он одновременно с возбуждением чувствовал отвращение. Он не мог нормально общаться с девушками, его подташнивало даже от мысли о сближении с ними. Мысль о запахе инцеста давно из сознания перекочевала в подсознание и разумному контролю уже не поддавалась. Если девушка начинала с ним заигрывать, он какое-то время держался, а потом срывался и начинал хамить. Постепенно он научился внешне контролировать свои реакции, но подсознательное отвращение не проходило. И оно было тем сильнее, чем сильнее возбуждала девушка.

Он дружил с парнями, но старательно избегал девушек, и над ним уже начали посмеиваться в группе. Он сам задумывался – а вдруг он «голубой» и ему нравятся парни? Он регулярно ходил в бассейн, плавал почти на профессиональном уровне, из-за его роскошного кроля друзья даже дали ему кличку Кролик. Теперь он постоянно рассматривал в бассейне красивых обнаженных мужчин, но влечения не возникало. Мужские тела ему нравились чисто эстетически. Зато при виде красивой девушки в одном купальнике он не мог испытать даже эстетического наслаждения. К горлу подкапывал комок, и хотелось вымыться, смыть с себя какую-то грязь. Ему не хотелось признаваться даже себе, что с ним не все в порядке – нет, это девушки вокруг какие-то порченые. Но он обязательно встретит ту, которая ему понравится. Он

ведь не педераст, нормальный мужик, а значит, и нормальная женщина для него обязательно найдется.

Катастрофа наступила, когда ему исполнилось 19 лет. Приколы друзей становились все сильнее, ему уже напрямую намекали – Кролик, а ты не «голубой»? Он ценил крепкую мужскую дружбу, и прослыть «голубым» боялся больше всего на свете – ведь тогда его друзья от него отвернутся. И он решился – сейчас или никогда. Заведет себе подружку, переспит с ней, даже если придется сделать над собой усилие, и наконец-то станет как все. На дискотеку он пошел с двумя друзьями. Они легко подцепили компанию трех девчонок, пошли с ними в ночной бар, выпили по рюмке текилы, по рюмке коньяка, еще парочку каких-то легких коктейлей... Он пил редко, и теперь голова приятно закружилась. Да плевать дело, вот сейчас он позовет с собой вот эту миленькую блондиночку, которая упорно строит ему глазки. Она уж точно не откажет.

– Девушка, вас как звать, Зоя? – на всякий случай уточнил он. Девочки уже представлялись, но он от волнения не запомнил их имена.

– Да, я Зоя, а ты Кролик... – захихикала уже сильно опьяневшая девчонка.

Его опять затошнило. Но нет, сегодня он не отступится. Да и друзья его не поймут, если он сегодня уйдет из бара один. Парни вовсю клеят девиц и уже явно готовы разбиться по парам. К тому же он сегодня ночует дома в одиночестве,

его мать уехала на пару дней к тетушке в Псков. Такой случай может долго не представиться. А он должен доказать себе и всем на свете, что у него все ОК! Он наклонился поближе к хихикающей девице и на ушко выдохнул:

– Ты мне нравишься. Давай сбежим от них!

Девица легко согласилась. Он быстро вскочил и, небрежно кивнув на прощание обалдевшим друзьям, схватил за руку блондинку и выскочил из бара. Недалеко от выхода они поймал такси и через несколько минут были у него дома. Девчонка прошлась по длинному коридору, заглянула по очереди сначала в одну комнату, затем метнулась во вторую, покрутилась там, опять над чем-то похихикала и решительно отправилась в душ. Дверь ванной она оставила приоткрытой. Он, не раздеваясь, прямо в куртке стоял возле двери и слышал шуршание одежды, плеск воды, затем из-за приоткрытой двери донесся кокетливый голосок:

– Давай, Кролик, присоединяйся! Помоемся вместе!

Он зажал рот рукой и опрометью кинулся в кухню. Едва успел добежать, его вытошнило в кухонную раковину. Тошнило долго, темно-зеленой желчью, из глаз текли слезы... Девица все плескалась в душе, когда он наконец опомнился. Быстро ополоснул лицо, выпрямился. Надо срочно прогнать мерзкую девицу. Ничего, что сегодня не удалось довести дело до конца, просто эта шмара такая тошнотворная... да с ней ни один нормальный мужик не смог бы! А он в ближайшие дни познакомится с нормальной девчонкой и уж тогда

всем покажет, на что способен!

Он почти успокоился и, когда девочка, обернутая в желтое махровое полотенце, вышла из душа, ласково произнес:

– Зоенька, солнышко, мне сейчас мать звонила. Она через десять минут придет сюда со знакомыми, ты ведь понимаешь, тебя она застать здесь не должна.

– Ты же сказал, мать за границу уехала!

– Ну соврал, извини, хотел тебя заманить. Я был уверен, что она до утра не вернется, а вот ошибся... Но на днях мы встретимся, это точно.

Но пьяной девице было море по колено.

– Я тебя сейчас хочу! Давай трахнемся по-быстрому, и я уйду.

Он с трудом подавил новый приступ тошноты.

– Мы не успеем. Давай завтра.

– Нет, сейчас! Что ты за мужик, если сейчас не можешь!

На сей раз вместе с тошнотой его захлестнула волна гнева. Эта мразь совсем обнаглела!

– Давай одевайся и выметайся отсюда. Я сказал, живо одеться! Иначе выкину на улицу, в чем есть.

– А я всем расскажу, что ты импотент, вот девчонки оборжуются! Сдохнуть можно, Кролик – импотент! – залилась пьяным смехом девица.

У него потемнело в глазах. Эта сволочь, гнида проклятая, хочет разрушить всю его жизнь. В голове как будто что-то замкнуло. Он сделал шаг вперед, протянул руки, схватил по-

датливую тонкую шейку и с силой сжал. Кажется, девица трепыхалась в его руках, пыталась отбиваться, но он сжимал ее шею со всей силой молодого тренированного самца. Опомился лишь тогда, когда она безвольно повисла в его руках и тяжелым мешком опустилась на пол, утянув его за собой. Он упал сверху, но руки разжались не сразу, их как будто свело судорогой. Наконец он разжал руки и слегка отполз в сторону. Девица в нелепой позе лежала на полу, желтое полотенце, грязное и смятое, валялось рядом.

– Эй, ты что? – еще не веря в случившееся, он осторожно потряс девушку за плечо и тут же отдернул руку. Девочка не шевелилась, и он вдруг понял – все, это полный п...ц. Вот теперь – полный.

Он сел на полу, обхватив плечи руками. Теперь у него одна дорога – в петлю. В тюрьму он не пойдет. Он закачался из стороны в сторону и глухо застонал. Но через несколько минут в голове начало проясняться. То, что он убил девушку, еще надо доказать. Да, они вышли вместе на глазах у его друзей и ее подруг, да, вместе сели в такси. Но дело могло повернуться и по-другому – возле самого дома Зоя могла протрезветь, отказаться к нему подниматься. Предположим, она так и сделала, решила вернуться в бар и тормознула чью-то машину. Если ее тело найдут не у него в квартире, а хотя бы в нескольких кварталах, может быть, у него появится шанс выкрутиться.

Дальше он действовал на автомате. Забрал из душа все

вещи девушки, аккуратно сложил их в пластиковый мешок, затем кое-как натянул на девушку ее джинсы, сапожки и надел сверху ее демисезонное пальто. Затем повесил себе на локоть мешок, взял на руки безжизненное тело и вышел на лестницу, молясь про себя, чтобы никто из соседей не выполз из квартиры. Но в три часа ночи никого на лестнице не было.

На лифте он без проблем спустился вниз, вышел из дома и пошел куда глаза глядят, не спуская с рук ставшее удивительно тяжелым тело. Страх придавал ему нечеловеческие силы. Он прошел без остановки почти восемь кварталов, пока не вышел к железной дороге, через которую шел мост для автомашин. Дорога как будто вымерла. Он по ступенькам занес тело на мост, слегка перегнулся через перила и разжал руки. С глухим стуком нечто, бывшее когда-то хорошенькой блондинкой, шмякнулось об асфальт. Дрожащими от страха и усталости руками он вытряхнул вслед содержимое мешка. Сиреневый лифчик, голубая блузочка из какой-то синтетики и белые трусики плавно спланировали вниз, под мост, колготки зацепились за перила и повисли на них. А он без сил опустился на землю.

Глава 3

– Ладно, давай выбирать кавалера, – наконец отмерла я. – Только учти: с педофилами никаких дел иметь не буду, даже не предлагай! Это же относится к некрофилам, зоофилам и прочим нелюдям. Так что давай ограничимся честными гомосексуалистами. А может, по старой дружбе ты вообще импотента мне подберешь? Все же с ним дело иметь поприятнее...

– Ну ты даешь! – искренне удивилась Моника. – Ты что, думаешь, они на исповедь ко мне приходят? И мы часами сидим и выясняем, мальчики им нравятся, или девочки, или, может, пегие кобылы? Они советов у меня не спрашивают, я им тоже в душу не лезу.

– Так ты даже не знаешь, кто они?

– А вот это я как раз знаю, не сомневайся! То есть сразу они только имя говорят, но потом я о них всю информацию собираю – девочки мне фамилию говорят, а потом я журнальчики глянцевого читаю, да и другие источники информации имеются. Но вот с кем они ночами под одеялом балуются, не всегда узнать удастся. Да и зачем оно тебе?

– Подожди, а о тебе как клиенты узнают?

– Да в первый раз это как-то случайно вышло – разговори-лась с одним «голубочком», который в салон ко мне пришел порчу снимать, он мне и пожаловался на свою беду. Интере-

суют беднягу только мужчины, а возраст уже немолодой, и старушка-мать беспокоится: ей скоро помирать, а сынок все неженатый ходит... А у меня как раз подруга без мужа осталась, без работы и с двумя детьми на руках. Ей не до секса было, детей бы прокормить. Я и подумала – вот бы им пожениться! И свела их вместе, чисто по доброте душевной, даже денег не взяла.

А потом слух обо мне пошел и по «голубой» тусовке, и даже дальше. Клиенты косяком идут, вот за последний месяц четыре новеньких появилось! А какие уж там у кого сексуальные предпочтения, хрен их знает.

– Так что непонятно, кто мне может достаться?

– Да забей ты на это! – посоветовала Моника. – Ты ведь сама сказала, замуж за них не пойдешь. Сейчас подберешь красавчика на свой вкус. Кстати, выбор у меня богачейший, я ведь этим делом уже почти два года занимаюсь, еще при покойной Алисе начинала, в салоне «Зазеркалье».

– Постой, а Алиса о твоей работе знала?

– Да ты что, стала бы я с ней прибылью делиться! – искренне возмутилась Моника. – Да ты же в курсе, сколько она нам платила, слезы, а не деньги. Так что, деточка, я ей точно ничего не должна. Но до чего ты наивна! Ты что, думала, что средства на открытие вот этого салона я у Алисы заработала?

Я промолчала. У Алисы действительно сложно было заработать приличную сумму. Но сейчас у меня нет даже такой работы, и приходится соглашаться на эскорт-услуги. И это с

моими-то способностями к дедукции!

– Ладно, Полька, где наша не пропадала! – Моника достала откуда-то из ящичка небольшого стола две большие черные кожаные папки. – Давай, приступаем. Только сначала ты мне вот что скажи: на какой срок желаешь сдаваться? У меня есть клиенты, которые желают снять девушку для сопровождения на месяц, на три месяца, на полгода, а некоторые даже на год! Так что давай сразу со сроками определимся. Если на три месяца, то твои гонорары чуть больше. Зато сразу хочу предупредить: женятся чаще те, кто берет девушку на год.

– Погоди, я за них замуж пока не собираюсь! Давай пока на «трехмесячниках» и остановимся. А какие условия контракта?

– Разумеется, условия хорошие. Но устные. Неделя – испытательный срок, потом ты получаешь из моих рук половину гонорара, вторую половину получишь в конце срока. Кстати, ты не волнуйся, тебя никто не кинет. Всю сумму для гарантии клиент сразу дает мне. А уж я сама ее выдаю по частям.

– И какова же сумма?

– Полторы тысячи долларов.

– За три месяца? Негусто...

– А у тебя есть более выгодные предложения? – ехидно поинтересовалась Моника. – И потом, это ведь только, так сказать, голый оклад. Кавалер тебя будет по ресторанам водить, кормить-поить. На прием пригласит – так ты смело жа-

луйся, что надеть нечего, он тебе наряды красивые купит. Эти полторы тысячи – тьфу, ты про них и думать забудешь. Некоторые девушки так своих «голубков» раскручивают, что только держись! Даже иномарки себе выбивают.

– Боюсь, у меня на это таланта не хватит, – вздохнула я. – Не умею никого «раскручивать».

– Так ничего, научись, – подбодрила Моника. – Если что, всегда ко мне за советом обращайся, и подскажу, и научу. Так что, берем для начала трехмесячников? Какой возраст предпочитаешь: с тридцати до сорока, с сорока до пятидесяти? А то у меня и постарше парочка есть.

– Да мне со стариками и поговорить-то не о чем, – растерялась я. – Давай тех, что помоложе.

Глава 4

С тех пор прошло 12 лет. Он сумел тогда выкрутиться. Его не раз допрашивали, но он стоял на своем: у самого подъезда Зоя вдруг раздумала идти к нему в гости и заявила, что хочет вернуться к подругам в бар. Он уговаривал ее подняться. Обещал, что и пальцем не тронет, если она не захочет, но упрямая девчонка не желала ничего слушать. Мимо проезжала легковушка, черная «Ауди», и девочка замахала ей рукой. Машина остановилась, Зоя села рядом с водителем, и больше он ее не видел.

Он понимал, что следователь не верит ему, но опровергнуть его слова тоже не может. В его квартире сделали тщательный обыск, но он не зря потратил всю ночь на уничтожение всяческих следов пребывания девушки в коридоре и в душе. От него требовали номер черной «Ауди» – но он твердил, что не стал разглядывать в темноте номера и был слишком расстроен, чтобы обратить внимание на шофера. Был в расследовании один момент, стоивший ему десяти лет жизни. В кармане джинсов погибшей девушки обнаружили забавную фигурку из хрусталя – балерину, стоящую на одной ноге. Крошечную хрустальную статуэтку незадолго до происшествия привезла его мать из какой-то заграничной поездки. Балерина скромно стояла в серванте за стеклом, не привлекая излишнего внимания, и, видимо, она пригляну-

лась Зое во время краткой экскурсии по квартире. И не отягощенная излишней моралью девочка просто сунула фигурку себе в джинсы. Он же, одевая мертвое тело, разумеется, не обыскивал карманы.

Балерина, как ни странно, несильно пострадала при падении с моста, только раскололась аккуратно на две части. Фигурка могла стать его смертным приговором, если бы кто-то хоть словом обмолвился о том, что эта статуэтка – из его квартиры. Но никто из свидетелей не упомянул об этом. Возможно, друзья просто не присматривались к серванту или не заметили почти прозрачную статуэтку. А подруги Зои и вовсе не могли знать о том, что именно находилось в его квартире. Впрочем, происхождением разломанной фигурки следствие особо не заморачивалось – ну нашлась в кармане девочки забавная игрушка, и ладно. Так что все обошлось.

Теперь, став преуспевающим бизнесменом, он уже почти забыл пережитый ужас. С матерью он давно жил отдельно, купив ей небольшой особнячок за городом. Навещал он ее редко. Нет, он по-прежнему любил мать, но теперь ее запах не будил в нем эротические порывы, а напоминал ему о том ужасном вечере. По ночам его мучили кошмары. Он успешно гасил их сильными транквилизаторами, а засыпал с помощью новейшего импортного снотворного. Институтская кличка «Кролик» как-то незаметно забылась, чему он был очень рад. Он не хотел бы услышать это прозвище еще раз. Пару лет назад он купил себе отдельную квартиру, и жил там

тихо и замкнуто, допуская в свой дом и в свою душу лишь нескольких проверенных жизнью друзей.

Чтобы у них да у матери не возникало излишних вопросов, он нашел, как ему думалось, отличный выход из положения: через знакомого вышел на салон эскорт-услуг, в котором давали девочек «напрокат». Проститутки за почасовую оплату сопровождали его во время редких выходов в свет, а потом, не тронув даже пальцем, но дав щедрые чаевые, он отправлял их домой. Конечно, проститутки были вульгарны, громко смеялись, вызываяще одевались и, главное, так и норовили прильнуть к нему грудью или еще какой-нибудь частью тела. Его тошнило, но он терпел.

А совсем недавно он нашел куда более эксклюзивную услугу: мадам, которая предоставляла мужчинам с сексуальными проблемами серьезных девушек. Это были не проститутки, а женщины с высшим образованием, умные и симпатичные, которые брали деньги именно за сопровождение, а не за интимные услуги. Они сами настаивали на том, чтобы к ним не относились как к продажным девкам, и при знакомстве требовали не распускать руки. Услуги девушки требовались ему один-два раза в неделю, иногда и реже, а платил он щедрее, чем предусматривали условия устного контракта.

Правда, пройдив пару месяцев с первой девушкой, он стал замечать ее слишком уж заинтересованные взгляды в свою сторону. Еще бы – молодой бизнесмен, не урод, неженатый... Мечта любой дамы от 18 до 50 лет! Он тут же пошел

к мадам и попросил заменить сопровождающую – на всякий случай. С тех пор он брал девушку напрокат на три месяца, щедро оплачивал ее услуги, а потом просто менял «подругу» на другую, не менее умную и симпатичную. Вот теперь он был вполне доволен жизнью. Друзья втайне завидовали ему: надо же, какой ловелас, меняет женщин, как перчатки! Так он думал жить и дальше, пока в один прекрасный вечер в его почтовом ящике не обнаружился белый конверт. На нем не было написано ни слова. Не подозревая дурного, он вскрыл письмо и достал небольшой лист бумаги из школьной тетрадки в клеточку:

«Я знаю, что Зоя в ту ночь была у тебя дома. Балерина из ее кармана раньше стояла в твоём серванте за стеклом. Она и сейчас стоит за стеклом, только в чужом серванте».

Текст набран на компьютере, отпечатан на стандартном белом листе. И все. Ни подписи, ни каких-либо требований.

В эту ночь он не стал пить снотворное. До утра просидел в кресле и думал: кто мог знать про балерину? То есть видеть статуэтку у него в доме могло множество народу, но вот кто из них знал про то, что фигурка нашлась в кармане убитой? Впрочем, про найденные в ее карманах вещи тоже знало достаточно народу – их предъявляли на опознание и родителям девушки, и ее многочисленным подругам... А те, в свою очередь, тоже могли кому-то рассказать о том, как приколно стать свидетелями... они ведь все тогда были совсем еще детьми. Ему, как и друзьям, недавно стукнуло 19 лет, а

сколько лет исполнилось тем девчонкам? Не больше восемнадцати, а может, и меньше.

Ну хорошо, кто-то знает про балерину. Чем это ему грозит? Нераскрытое уголовное дело сдано в архив, но не закрыто, срок давности по убийству еще не истек. Конечно, доказать с помощью разломанной фигурки его вину спустя 12 лет архисложно, но опять пройти через ад допросов... Но главный вопрос, занимавший его, был другим: чего хочет неизвестный аноним? Денег? Но нельзя платить шантажисту, его надо убить... А как убить того, кто неизвестен? Так что придется выполнять все требования до тех пор, пока он не узнает автора послания. Теперь главное – дожидаться момента, объявления цены. Второе послание он получил очень скоро, через пару дней после первого. И понял, что заплатить ему придется очень, очень дорого.

* * *

Моника разложила передо мной несколько фотографий:
– У меня на данный момент сразу пять «трехмесячных» клиентов тоскуют, трое постоянных и два новичка. Ну давай, Полька, не кочевряжься. Скажи, кто из них тебе категорически не нравится, их мы уберем, а остальным я покажу твоё фото, поиграем в «любовь с первого взгляда». Я по уговору должна им на выбор трех девочек показать, а у меня свободных никого, кроме тебя. У меня на сегодня вообще клиен-

тов больше, чем свободных девочек. Вот еще твою подружку припашем, хоть какой-то выбор для моих «голубков».

– Ни фиги себе, а сколько же у тебя всего клиентов?

– 14 штук! – с гордостью ответила Моника. – Есть, правда, еще одна фирма, она позже работать начала, сколько у них «голубков» на учете, не знаю, по-моему, вдвое меньше. Я думаю, от желающих не было бы отбою, да ведь не все про меня знают, я рекламу в газетах не даю.

Я с интересом рассматривала любительские снимки. С них смотрели вполне приличные на вид мужчины. Двое выглядели совсем молоденькими, трое – посolidнее, но никаких видимых на первый взгляд отклонений я не обнаружила. Кого же мне забраковать? Так и не решив этот вопрос, я обратилась к Монике:

– А кто из них точно «голубой»?

Хозяйка салона, не глядя, ткнула пальцем в две фотографии.

– Вот за этих ручаюсь. Про остальных не знаю. Кстати, ты, того, не вздумай при ком-то из них произнести слово «педерасты», или еще какое ругательство. Называй гомосексуалистов «геями», они это слово уважают.

– Да ладно, не учи ученого, не маленькая. Давай остановимся на тех троих, про которых ты ничего не знаешь. Должна же быть в мужчине какая-то загадка.

– Дело твое, только как бы ты этой загадке не предпочла порядочного гея. Впрочем, речь идет о каких-то трех меся-

цах, выдержишь любого. Значит, выбираем двух Александров и одного Артура. Теперь дело за малым – как говорится в анекдоте, осталось уговорить принцессу.

Моника достала все из того же ящичка стола небольшую цифровую фотокамеру, на мой взгляд – обычную «мыльницу», и велела мне улыбаться в объектив. Затем мне пришлось встать во весь рост, опять сесть на стул в соблазнительной позе, закинув ногу на ногу. Отщелкав кадров пятнадцать, Моника наконец успокоилась и отпустила меня с миром, взяв на прощание телефон подружки Люды и пообещав мне на днях позвонить и сообщить, кто из выбранных мной извращенцев согласен встретиться со мной для предварительных переговоров.

Вечером мне позвонила Людка.

– Полька, ну ты даешь! Ты зачем мой телефон дала этой твоей Монике? Ты хоть знаешь, что она мне предложила?

– Знаю, конечно, она мне предложила то же самое. Ну и что, ты отказалась?

– Я бы сразу отказалась. Но ты ведь знаешь, я после развода со своим гадом без ничего осталась!

– «Без ничего» – это трехкомнатная квартира? – на всякий случай уточнила я.

– А оплачивать ее чем? Я ведь не работаю уже сколько лет, и накоплений никаких. Ты знаешь, что у меня уже долг по квартплате три месяца? Меня выселят на улицу скоро!

– Так я поэтому твой телефон и дала, подумала, что тебе

деньги нужны.

– Так что мне теперь, за деньги с педерастами спать?

– Спать с ними тебе как раз не придется. А если придется, то они уже никакие не педерасты, а бисексуалы.

– Тьфу на тебя с твоими умными словами!

– Я по образованию филолог, – напомнила я. – А чего ты, собственно, так кипятишься? Не нравится предложение – откажись, насиловать тебя никто не станет.

– Мне деньги нужны!

– У меня их нет! – разозлилась я. – Ты чего на меня орешь?

– Да ладно, погорячилась. Проехали. Слушай, давай я к тебе приеду, обсудим нашу будущую работу.

– Давай.

До поздней ночи мы с Людой обсуждали перспективы нашего с ней карьерного роста. Людка считала, что нам надо собирать на своих кавалеров побольше компромата, а затем либо продавать его Монике, либо использовать для каких-то своих целей.

– Тебе что, жить надоело? – удивилась я. – У шантажистов, как правило, жизнь хоть и насыщенная, но короткая.

– А ты собираешься до старости с педиками встречаться?

– А что, может, и замуж за кого выйду... – поддразнивала я разъяренную подругу.

– Ну и трахайся со своими извращенцами!

– Да я, может, и не отказалась бы, но, боюсь, они против

будут. Успокойся ты, у меня другие планы. Моника сказала, все они – бизнесмены. Может, в благодарность за отличное исполнение несупружеского долга на хорошую работу пристроят...

– Пристроят, когда рак на горе свистнет, дождайся от них милости!

– А вдруг кто-то из них расщедрится и купит мне отдельную квартиру! – размечталась я. – Я там собственный гадальный салон открою.

– Ты быстрее получишь этот салон, если их припугнешь разоблачением.

– Да пойми ты, на шантаж даже Моника не решается. А уж она тетка тертая, мало чего боится.

Мы спорили долго и безрезультатно. Наконец Людке надоела тема шантажа, и мы перешли к обсуждению кандидатов. Оказалось, она не стала отвергать ни одного из предложенных пяти клиентов, и Моника обещала позвонить ей уже завтра. Чтобы не ехать домой, в пустую квартиру, Люда осталась ночевать у меня. И оказалось, не напрасно, поскольку с утра пораньше позвонила Моника и пригласила нас обеих в салон к десяти.

– Ну что, девоньки, первые два клиента уже созрели, – радостно потирала руки хозяйка салона. – Сейчас вы по очереди переговорите с первым кандидатом, с Сашей, а через два часа придет второй, Артур. Может, сегодня же и определимся с выбором.

Первой знакомиться с клиентом пошла Люда. Я сидела в кабинете Моники, пытаюсь справиться с неприятным волнением. О чем мы будем с ним говорить? С нормальным мужчиной можно хоть пококетничать, поприкалываться, он все поймет правильно. А с этим фруктом что делать? Состроишь ему глазки, он, того глядишь, перепугается не на шутку, решит, что я его домогаюсь. А будешь держаться сурово и официально, подумает, что я его презираю, еще и рассердится. Я решила все же обсудить этот вопрос с Моникой.

– Скажи, с этими... кокетничать можно? Или надо держаться сугубо делового тона?

– Да не парься ты, просто расскажи о себе, и точка. Представь, что ты на работу устраиваешься и перед тобой отдел кадров. Ты, наверное, по разным собеседованиям немало походила за свою жизнь?

Моника попала в больную точку. Я действительно прошла немало собеседований, пытаюсь найти работу. Так что теперь и подавно не намерена отступать. Я стиснула зубы и, с трудом дождавшись выхода Людмилы, решительно встала, пересекла маленький коридорчик и вошла в полутемный кабинет, где сидел, возможно, мой будущий работодатель. Мои глаза не сразу привыкли к темноте. Лишь через пару минут я наконец увидела в глубине кабинета невысокого паренька, забившегося куда-то в угол, в небольшой промежуток между письменным столом и окном. Он стоял, почему-то держась за подоконник, и молча, без улыбки смотрел на меня.

Все наставления Моники насчет собеседования как-то испарились из моей головы. Начальники фирм и кадровики, с которыми я беседовала, пытаюсь найти работу, держались совсем по-другому. Во всяком случае, их не приходилось выковыривать из щели между столом и окном. Этот же, скорее, напоминал клиента гадального салона, уверенного, что на нем самая наитяжелейшая порча из всех возможных. Я решительно прошла в середину кабинета, отодвинула от стены стул и уселась на него.

Так, в полном молчании, мы провели минут пять. Я сидела на стуле в середине комнаты, соблазнительно, как Шерон Стоун, закинув ногу на ногу. Мой потенциальный работодатель стоял у окна, обеими руками держась за подоконник, словно собираясь немедленно выпрыгнуть в окно. На меня он не смотрел, все его внимание было отдано, похоже, собственным ботинкам. На шестой минуте мой страх прошел полностью, и меня начал душить жуткий смех. Чтобы отвлечься, я пыталась подумать о чем-то грустном, например, о своей будущей работе, но стоило мне взглянуть на унылую фигурку у окна, как от смеха с новой силой сводило живот.

– Молодой человек! – кое-как справившись со смехом, наконец выдохнула я. – Посмотрите же на меня! Давайте попробуем подружиться!

Он вздрогнул и, оторвав наконец глаза от своих ботинок, дико взглянул на меня.

– Я знаю, вас зовут Саша. А я – Полина. Я очень общи-

тельная, дружелюбная, обожаю детей и животных. Но зато я не люблю мужчин – ну то есть, вы понимаете, я не люблю с ними спать, – чувствуя прилив вдохновения, безбожно врал я. – Но зато у меня много друзей-геев. Это мои маленькие подружки.

– Полина, мне очень приятно. – наконец выдавил он. – Но, знаете... я не гей.

– А кто? – вырвалось у меня, но я тут же спохватилась. – Ничего страшного, не геев я люблю еще больше. Главное, вы ведь не собираетесь меня домогаться?

– Не собираюсь, – он сделал длинную паузу. Я уж думала, больше не заговорит вовсе, но он все же продолжил: – Я нормальный, вы не подумайте... так обстоятельства сложились, что подруги нет. Вот и приходится... брать девушек напрокат. Мне нужно немного. У троюродного брата через месяц свадьба, родственники со всего света съедутся, и все начнут спрашивать, где моя девушка... А я... Ну вы же все понимаете. Я должен кого-то им показать, скажу, что наша свадьба тоже скоро. Большинство дядей-тетей через пару недель уедут, и все будет в порядке. А мы с вами еще пару месяцев вместе походим, чтобы вас родственники еще несколько раз увидели. И чтобы моей маме перед родней стыдно не было.

Я молча слушала несколько несвязную речь, думая про себя: почему он мне это говорит? Я уже принята на работу, а Люда ему не понравилась? Или он отрепетировал свое вы-

ступление и всем говорит одно и то же? Тем временем, видимо, увлеченный своим рассказом, Саша наконец оторвался от окна и подошел ко мне поближе. Я с интересом рассматривала его: невысокий, чуть сутуловатый, худенький... Но лицо приятное, с тонкими чертами и большими голубыми глазами. Скорее всего, я не заметила бы его в толпе или на дискотеке, но против дружбы ничего не имею. Тем более что интим все равно не намечается. Наконец он закончил речь и выжидающе уставился на меня своими глазами.

– Саша, я на все согласна, – мягко произнесла я.

– А что дальше? – растерянно произнес он.

– Так ты сначала определись, кого выбираешь – меня или другую девушку.

– Я выбрал, – проямлил он. – Пойдемте к Монике?

Я встала со стула и, поманив его пальцем, направилась к двери. Он покорно следовал за мной. Мы гуськом пересекли коридорчик и вошли в комнату, где сидели Моника и Люда. При нашем появлении Моника встала:

– Ну что, дорогой вы мой человек! – запела она. – Кого из двух наших красавиц выбираете?

Саша ткнул в меня пальцем.

– Вот эту.

Я слегка вздрогнула. Люда презрительно скривила пухлые губки. Одна Моника не утратила самообладания:

– Вот и славненько, вот и ладненько. Давайте, девочки, посидите в коридорчике, а я сейчас с Сашенькой детали об-

говорю.

Мы с Людой вышли в коридор и сели на небольшой мягкий диванчик. Люда молчала, видимо, дулась на то, что первый же клиент выбрал меня. Какая глупая ревность! Я понимаю, если бы ей на самом деле парень понравился, а тут я вмешалась и отбила. А то сама его презирает, явно дает это понять, а вот обиделась же на то, что он меня выбрал! Я нарушила молчание первой:

– Ну что ты дуешься, тебе он что, понравился?

– Вот еще, не хватало на извращенца запать! А ты ему чем приглянулась?

– Сказала, что страсть как извращенцев люблю.

Людка расхохоталась.

– Ну ты даешь! Знаешь что, я теперь тоже так буду говорить.

– А о чем ты с Сашей говорила?

– Да пыталась его как-то разговорить, познакомиться, что ли...

– Случайно, глазки ему не строила?

– Да какие глазки, он на меня ни разу и не взглянул!

– А мне вот посчастливилось...

– Да тебя вообще все психи и придурки обожают. Не понимаю, зачем тебе Моника, ты бы со своих знакомых могла бы деньги брать за то, что с ними вообще общаешься! Вот тот, грязный, тебе за консультации платит?

– Ты о ком? – не врубилась я.

– Ну компьютерщик, Андрей, кажется. Я в одной комнате с ним находиться не могу, слишком на дух крепкий. Его, наверно, мама с папой в детской ванночке выкупали, когда ему годик исполнился, с тех пор он и не моется. А ты с ним подолгу общаешься.

– Я с него «венец безбрачия» снимаю.

– Да этот венец из-под грязи и не выкопать! Пусть вымоется разок, венец сам спадет!

– Да что ты мне говоришь, я уже для него специальный ритуал придумала – заговорила ему мыло, шампунь и дезодорант и велела месяц использовать по назначению. Так уж пара месяцев прошла, а он ни разу не использовал.

– А за совет хоть заплатил?

– Да ладно тебе, я ему по дружбе советую, он мне тоже в свое время здорово помог.

– А этот твой, как его, Паша? Этого дохляка ты чего привечаешь?

– Да ладно, он неплохой парень.

– Ну да, трусливый и придурочный. А уж страшный какой, не приведи господь! Я как его вечером увижу, по ночам кошмарами мучаюсь.

– Да чего ты разошлась-то так? При чем тут Андрей и Паша?

– Я о том, что ничего удивительного, что всякие педики тебя тоже любят, – слегка успокоилась уязвленная в самое сердце Людка. – Да и тебе они, должно быть, не противны,

уж после Паши и Андрея любой королевичем покажется.

Мы немного помолчали, потом Люда начала рассказывать про ремонт квартиры, из которой она решила вытравить любое напоминание о незадачливом втором муженьке. В увлекательной беседе время летело незаметно, и я даже как-то удивилась, когда дверь кабинета приоткрылась и Моника поманила меня внутрь. Саша опять сиротливо стоял у окна.

– Ну что, детки, все решено и улажено. Теперь договоритесь, когда и где встречаетесь в следующий раз. Как Полина должна одеться и что вы будете делать. Я вас сейчас вдвоем оставлю, закончите разговор – позовите меня.

Она выпорхнула из кабинета, послав мне на прощание воздушный поцелуй. Я обернулась к Саше.

– Так когда и где мы встречаемся?

– Пятница у нас послезавтра? Давай я в пятницу вечером за тобой заеду. У нашей фирмы новые партнеры появились, мы документы оформили, теперь едем в сауну обмыться. Они туда все любовниц или жен возьмут, давай я с тобой приеду.

– Давай. Слушай, а давай ты меня до дому подвезешь, вы ведь с Моникой уже обо всем договорились?

Он согласился. Мы вместе вышли в коридорчик, попрощались с Моникой и Людмилой и направились к машине. У моего работодателя оказался неплохой черный «Фольксваген». В машине мы не разговаривали. Саша быстро довез меня до дома и, напомнив, что послезавтра в шесть вечера

за мной заедет, умотал.

Глава 5

Оказавшись дома, я глубоко задумалась. Новая работа оказалась очень даже забавной, и теперь информация распирала меня и буквально вылезала наружу, как перебродившее тесто из небольшой миски. С кем бы поделиться, с мамочкой? Я представила ее неподдельную радость при известии, что великовозрастная дочка вместо поисков приличного жениха и приличной работы решила поиграть в девочку по найму для разных извращенцев, и тут же отказалась от этой светлой мысли. Люда была в курсе моих проблем, к тому же явно завидовала. Почему-то ее кандидат казался ей хуже моего, или просто самолюбие задело то, что он так безоговорочно выбрал меня. Я еще немного подумала и позвонила Валерии Ступниковой, моей подруге по универу.

Валерия была актрисой по призванию. Еще в универе, когда мы все готовились к экзаменам, она проводила дни и ночи в театральном кружке. Кружок не давал ни диплома, ни особых театрально-профессиональных навыков, и мы все искренне недоумевали, зачем Лерке этот детский сад.

Пару раз мне пришлось посетить спектакли этой студии. Меньше чем на «Ромео и Джульетту» или «Гамлета» режиссер не замахивался, музыку к постановкам писал сам, и смотреть на эту самодеятельность было сильным испытанием для моих слабых нервов. К тому же Лера играла обычно неболь-

шие роли подруг главных героинь. Если по пьесе у героини не имелось подруги, в новой версии она обязательно появлялась. Большого таланта, на мой взгляд, подруга не обнаруживала, к тому же природа не наградила ее роскошной сценической внешностью. Круглое деревенское лицо, широкий, чуть вздернутый нос и не слишком большие, тусклого цвета глаза отнюдь не способствовали облику роковой героини.

Как-то раз в откровенном ночном разговоре я выразила сомнение в том, что вечная роль героини второго плана – именно то, что нужно Лере для полного женского счастья. Выпив полбутылки шампанского, подруга расклеилась и слабо проскулила, что она знает – таланта особого у нее нет.

– Но ведь и красотой меня господь обидел! – чуть не плакала она. – Вот я замуж хочу. И не за кого-нибудь, а за человека обеспеченного, а лучше – богатого. На что он может польститься? На жопу 60-го размера? А тут – актриса, это вам не деревенская уродина!

– Пока что в вашем кружке я не видела ни одного миллионера! – удивилась я.

– Так на этом кружке, как ты выражаешься – на нем свет клином не сошелся! – обиделась Вероника. – Вот закончу я студию, начну работать в театре – все наши местные олигархи моими станут!

И вот ведь странность – в театр Валерию взяли. То ли руководству приглянулось ее упорство, то ли остальные девчонки сами раздумали связывать судьбу с переменчивой ак-

терской стезей.

Я все ждала, когда Лерка закончит страдать фигней и уйдет из театра, но пока прозрение не наступало. Поэтому я понимала – пытаться за компанию завербовать Лерку в нашу теплую компанию эскорт-девиц – дело абсолютно гиблое. Но вот посплетничать с ней – милое дело.

Лерка оказалась абсолютно свободной – главный режиссер уехал на гастроли с каким-то суперпопулярным спектаклем, в котором Ступникова, разумеется, не играла, и репетиции новой пьесы отложили почти на месяц. Подружка примчалась ко мне через полчаса, но, увы, была вовсе не настроена выслушивать мои откровения. Новая идея рвалась из ее груди, как воздух из проколотого шарика, и мешала ей сосредоточиться:

– Поля, я наконец-то поняла, что мне в жизни мешает! – восторженно повествовала она. – Моя внешность! Ну приходит интересный мужик в наш театр, и на кого он обратит внимание: на изящную Юльку Федорову или на такую клушу, как я?

– Федорова подцепила олигарха? – удивилась я. Из бесконечных рассказов Лерки о театре я давно уже сделала вывод, что с приличными мужиками у всех актрис напряженка. И изящная Юля Федорова всю женихалась с неказистым рыжим Гариком Артиросяном, молодым актером «третьего эшелона».

– Как олигарха? – изумленно захлопала ресницами Лер-

ка. – А что, своего Гарика она послала в задницу?

– Ну, это тебе лучше знать, – резонно возразила я. – Твою Юлю я пару раз видела на сцене, в гриме, так что на улице вряд ли узнаю. Откуда мне знать про ее отношения с Гариком?

– Тогда почему... – начала было Лерка, но я ее довольно невежливо перебила:

– Так ты сама только что ее в пример привела – дескать, тебе внешность мешает интересного мужчину подцепить, а вот Юля – красотка, ей повезло. В чем повезло?

Лера озадаченно покрутила головой, пытаясь переварить мои слова, но не преуспела в этом деле, махнула на меня рукой и продолжила свою мысль:

– Так вот, я поняла: если изменю внешность – все будет в шоколаде!

– Согласна, Гарик будет у твоих ног, – с готовностью закивала я головой.

– Да что ж тебя на Гарике так зациклило! – возмутилась подруга. – Сто лет он мне не нужен, твой Гарик!

– А другого в своем театре ты ни в жизнь не подцепишь. – возразила я. – Хоть станешь красоткой, как Анджелина Джоли.

– Вот, такой я и хочу стать! – обрадовалась моей внезапной понятливости Лера. – И тогда моя жизнь в корне изменится!

– Может, тебе лучше уйти из театра? – в который раз без-

надежно повторила я. – Ну вот хоть на телевидение устройся, дикция у тебя хорошая, внешность более-менее приятная...

– Ну и буду своей безобразной харей с экрана сверкать! – возмутилась Лера. – В общем, я уже решила. Буду меняться внешне.

– Откуда же у тебя деньги на пластику? – поразилась я.

– Я, наверное, начну все же не с пластики, – спокойно ответила подруга. – Боюсь пока операций. Но я постарела за последние пять лет, против этого, надеюсь, ты возражать не станешь? Так вот, перво-наперво я собираюсь помолодеть. Я тут выписала пару адресов косметических салонов, они такие чудеса обещают! Вот, смотри: «Чудо-лазер «Зарено» разглаживает и шлифует кожу. – Вы омолодитесь на двадцать лет, и вашим розовым щечкам позавидуют даже младенцы! Даем гарантию на полгода!»

– Не хотела бы я превратиться в младенца, – задумчиво произнесла я. – В свои 28 лет я себя совсем неплохо чувствую...

– Ага, ты-то неплохо, а у меня от постоянного грима смотри какая кожа стала! – Лерка торжествующе надула щеки, продемонстрировав мне пористую кожу неприятно-серого цвета. – Я туда на сегодня записалась, через час надо быть в салоне. Хорошо, что ты позвонила, а то я все думала, кого же с собой взять.

– Лера, а может, за город лучше поедем? – ласково предложила я. – На солнышке погреемся, омолодишься без чу-

до-лазера. Лично даю гарантию на полгода.

– Полька, ты мне подруга или нет? – сердито спросила Ларка и, дождавшись утвердительного ответа, закончила свою мысль. – Неужели ты со мной не пойдешь?

– Зачем я тебе?

– Ну... для храбрости.

Я вздохнула и посмотрела в окно. Там светило ласковое летнее солнышко, народу на раскаленном асфальте не наблюдалось. Но делать нечего – отказать Лерке, которую сама же и вызвала, я не смогла. Кляня себя за малодушие, я отправилась одеваться для похода в салон красоты.

По дороге я пыталась рассказать Лере про свои приключения. Но она лишь равнодушно качала головой в ответ.

– Ну и на хрена тебе такая, с позволения сказать, работа? – наконец сухо спросила она.

– Интересно же, – пожала я плечами.

– Дико интересно общаться с извращенцами!

– Во-первых, не все из них извращенцы, возможно, есть и импотенты. Мой вот на извращенца никак не похож. Застенчивый...

– Ага, голубая девичья мечта – познакомиться с импотентом, – развеселилась Лерка. – Ты, подруга, сама, часом, не того – не сменила ориентацию? А то я прямо пугаюсь – вдруг приставать начнешь!

– Ага, особенно к тебе страстью пылаю, – разозлилась я. – Так бы и съела всю!

– Да ладно, не заводись, пошутила я, – мирно сказала Лерка. – Полька, я понимаю: тебе работа нужна. Давай поговорю с главрежем, он тебя к нам уборщицей устроит.

Честно скажу – я человек мирный, к тому же всегда воспитывалась мамой по принципу «девочки не дерутся». Но в тот момент больше всего мне хотелось от души размахнуться и как следует подпортить Леркину красоту. По крайней мере настолько, чтобы сделать ее визит к косметологу вполне оправданным. Но Лерка, покосившись на мое покрасневшее лицо и сощуренные глаза, сменила тон:

– Полька, а тебе самой не противно с гомосеками возиться?

– А что они, не люди? – сухо бросила я, еще не прекратив злиться.

– Ну вот ты сама посуди – мы с тобой две такие из себя все красивые, но – одни, совсем одни! Никому не нужные бродим. А красивые мужики, которых и так в городе мало, тем временем в гомосеки подаются. Тебе не обидно?

– Ты думаешь, они вот так сами подаются, по собственной воле? – втянулась я в явно нелепый разговор.

– Ну уж не знаю, по чьей воле, но ясно одно – если мы еще и мужикам будем своих кавалеров уступать, вовек нам замуж не выйти.

– Да они рождаются такими!

– Ага, рождаются, как же! – возмутилась Лерка. – У меня друг детства был, Димка. Так вот, до 16 лет был парень как

парень – девчонок за косички дергал, записочки на уроках в школе подкладывал. А потом решил вдруг танцами заняться. Ну, в студии ему быстро объяснили, что к чему. Сам преподаванием талантливого юноши занялся. И к 18 годам стал мой Дима законченным педиком, хоть клеймо ставь. А не пойди он в ту студию – кто знает, как бы оно вышло...

– Наверное, все равно тем же закончилось бы, – неуверенно пожала я плечами.

– Как же, как же! – насмешливо покивала Лерка. – Мне потом один знакомый психолог объяснял: десять процентов людей рождаются на свет бисексуалами. И кем они станут – нормальными или извращенцами – от их первого сексуального опыта зависит. Успела бы девчонка Димку соблазнить – остался бы нормальным, а теперь – нате-ка, получите и распишитесь...

– Да ладно, не кипятись, педофилов и я не люблю, – согласилась я. – Надеюсь, любителей несовершеннолетних мальчиков мне не подсунут. А те, кто любит половозрелых самцов – ну, не мне их судить...

– Я бы их не только судила, но и лично привела бы приговор в исполнение! – зло ответила Лерка. – И тебе советую, как подруга – пока не поздно, бросай ты своих педиков, иди к нам в театр.

Возразить я не успела: нас выпихнули из дверей троллейбуса, и мы, пройдя пару шагов, остановились возле небольшого двухэтажного деревянного домика, который нагло

вклинился между старых каменных пятиэтажек. На домике гордо красовалась большая латунная табличка: «Салон красоты «Феникс»».

– Вот, нам сюда. – Лерка слегка притихла, схватила меня за руку и потащила к маленькому деревянному крыльцу.

За стойкой сидела женщина неопределенного возраста с туго стянутыми в пучок мышино-серыми волосами. Она устало подняла на нас глаза:

– Вы по записи?

– Да, к магистру Огуречной, – севшим от волнения голосом прошептала Лера.

– Сразу двое?

– Она тоже послушать хочет! – твердо сказала Лера.

– Тогда двойная плата за визит.

– Я не хочу слушать! – поспешно возразила я. Денег у меня просто не было.

– Нет, я заплачу! – вмешалась Лерка. Вообще-то, повышенной робостью она никогда не страдала, и я не очень понимала ее фанатичное стремление затащить меня к магистру косметологии. Регистраторша приняла деньги, грузно поднялась и пошла куда-то в глубь извилистого коридора.

– Зачем я тебе там? – вполголоса поинтересовалась я.

– Хочу услышать твой совет, – шепотом ответила Лерка. – Мне все говорят, что я человек внушаемый, легко ведусь на любые предложения, вот и хочу, чтобы ты рядом была.

На мой взгляд, Лерка отличалась упрямством осла, и свер-

нуть ее с выбранного пути было абсолютно нереально. Но сама о себе подруга была другого мнения – на полном серьезе она считала себя нежной фиалкой, которую любой обидеть может.

– У нас тут салон красоты, вас и постричь, и покрасить могут, – внезапно возникшая за стойкой регистраторша теперь вся лучилась любезностью.

Я с недоверием покосилась на ее грязно-серые волосы, но промолчала. Тем более что дверь одного из невидимых в глубине коридора кабинетов распахнулась и мягкий голосок произнес:

– Девушки, заходите!

Мы устремились по коридору на голос. Наткнувшись на полуоткрытую дверь, я немного подумала и зашла. Лера последовала за мной. В небольшом кабинетике сидела немолодая полная женщина в серой юбке и сиреневой вязаной кофточке. Мы уселись в два небольших бархатных кресла напротив ее стола.

– Я врач, – просто сказала женщина. – Так что давайте откровенно: какие проблемы с внешностью и со здоровьем?

Лерка начала захлеб рассказывать о проблемах с внешностью. Со здоровьем у нее проблем, к счастью, не было.

– Доктор, вы видите эту складку между бровей? – она наклонилась поближе к магистру Огуречной. – Это уже не морщина, настоящая канава! А щеки? Видите, какие поры? И вот тут они просто обвисли, скоро бульдожьей складки по-

вяются, а ведь мне всего 28! И глаза! Тут уже глубокие мимические морщины появились, они меня старят лет на десять как минимум!

– Я поняла. – Женщина терпеливо дослушала Лерку, покивала и начала свой монолог: – В общем, так: сначала надо отполировать кожу. Химическая чистка специальным французским препаратом – двести долларов. Затем начнем собственно мезотерапию: инъекции гиалуроновой кислоты – по триста долларов один миллилитр. На два сеанса, соответственно, надо два миллилитра. Это чтобы убрать складки со щек. Под глаза нужно не такой концентрированный состав, так что в двести долларов уложимся. Полгода результат гарантированно продержится, потом надо будет повторить процедуры. Когда начнем?

Лерка, не приходя в себя от шока, беззвучно шевелила губами, видимо, пытаясь подсчитать общую сумму. Я прикинула – вроде тысяча долларов выходит, откуда у незадачливой актрисы такие деньги? По-моему, это ее зарплата месяца за три. А ведь такое придется проделывать каждые полгода, иначе, похоже, не стоит и начинать.

– Нет, мы, конечно, можем сэкономить, сделать по одной процедуре вместо двух, но тогда срок их действия будет меньше, – терпеливо пояснила врач, правильно истолковав наше молчание. – И учтите – еще годик-другой и мезотерапия уже не поможет. После тридцати лет носогубные складки углубляются, кроме того, в этих местах возникают зало-

мы кожи, и тогда все – надо делать полноценную пластику.

Я поглядела на юное личико Лерки, затем перевела недоумевающий взгляд на бледное лицо Огуречной с двойным подбородком, обвисшими щеками, опущенными уголками губ и синеватыми мешками-отеками под глазами. Интересно, сколько ей лет, и почему она на себе свои методы не опробовала?

– А нельзя ли для начала... Ну, крема разные попробовать или там массаж? – отмерла наконец Лера. – Говорят, маски тоже обвисшую кожу подтягивают. Просто... я не рассчитывала на такую сумму. У меня с собой двести долларов.

– Крема, дорогая моя, надо было с двадцати лет применять, – снисходительно улыбнулась магистр. – Теперь поезд уже ушел, и далеко. Само по себе лицо не разгладится. Так что, будем делать полный курс или ограничимся чисткой лица и станем терпеливо ждать заломов?

– Нет, сделаем все, что нужно, – твердо ответила пришедшая в себя Лера. Только надо деньги у мамы занять. Доктор, а оплывший овал лица мезотерапия поднимет?

– Мезотерапия его не поднимет, но у меня есть замечательный аппарат, российский, – торжественно проговорила врач. – Разработан российскими военными медиками.

Жестом фокусника она извлекла откуда-то из стола небольшую белую картонную коробочку с надписью: «Миостимулятор «Второе лицо». Достала из коробочки небольшую пластмассовую трубку, с виду смахивающую на теле-

фонную. На одном конце трубки блестело нечто вроде металлической наклейки, на другом располагались ряд кнопочек и несколько рычажков.

– Подтягивает овал лица и убирает второй подбородок за неделю, – доктор нажала две кнопки, и аппаратик приветливо загудел. – Управляться с миостимулятором проще простого. Смотрите: вот этот конец прикладывается к подбородку, и вы нажимаете вот этот рычажок на конце. Аппарат начинает работать, и небольшие электроволны воздействуют на обмякшие мышцы лица в течение десяти минут. Мышцы сокращаются, и тренировка получается такой силы, что за неделю овал становится таким же, как был в восемнадцать! Вот этими кнопками регулируется сила тока. В первые несколько раз может быть больно, но ничего – потом привыкнете. Или можно сделать ток более слабым.

– Так это электрошок! – вырвалось у меня.

– Девушка, не говорите глупостей, – скривилась докторша. – Не все, что работает на электричестве, – электрический стул.

– Мирный атом... – чуть слышно пробормотала я, но Лерку было уже не остановить:

– Сколько стоит? Гарантия на него есть?

– Двести долларов. Гарантия – два года, заряжается через аккумулятор от электросети, – сухо отвечала Огуречная. – Вот тут адреса гарантийных мастерских.

Я протянула руку и перехватила гарантийный талон. Ока-

залось, чудо-стимулятор чинили те же мастерские, что и телевизоры, кофеварки и прочие электротовары.

– Лерка, электрошок можно купить намного дешевле, – попыталась я образумить подругу, но та уже доставала деньги и протягивала предприимчивой докторше. Та молча приняла деньги и начала выписывать гарантийный чек. На мой взгляд, бессмысленное занятие, учитывая факт, что кассового аппарата на столе не наблюдалось. А без чека, как известно, гарантия недействительна.

– Доктор! – От нетерпения Лерка почти приплясывала на кресле. – Скажите, а может этот аппарат и мышцы щек приподнять?

– Ну, разве что на время, – отмахнулась от нее Огуречная. – Вот, держите чек и аппарат и начинайте лечебные процедуры. В регистратуре скажете, на какой день вас записать на пилинг лица.

Мы с Леркой в совершенно разном настроении вышли из кабинета. Я была в унынии, подруга, наоборот, вся светилась от счастья.

– Польшка, а я боялась, что пластику делать придется! – радовалась Лерка. – А тут все подтянется, глаза и щеки разглядятся, подбородок уйдет... Стану как новенькая! Сегодня же начну процедуры!

– Поехали лучше на море, – без особой надежды предложила я.

– Уговорила, – решительно ответила подруга. – Вот сейчас

заедем ко мне, проведу первый сеанс, а потом сразу на море. После шести вечера – самое полезное солнце.

Горестно вздохнув, я вновь влезла за Леркой в раскаленный троллейбус, живо напомнивший мне гигантскую микроволновку, и через полчаса мы очутились дома у Валерии. Она тут же побежала в ванную мыть лицо, а я на досуге достала инструкцию миостимулятора, села на диван и начала внимательно изучать. Впрочем, особо изучать там было нечего: у аппарата имелось три уровня тока, два из которых применять рекомендовалось очень осторожно, а третий, самый слабый, вроде опасений у создателей не вызывал. Его предписывалось применять именно для лица. Причем как для косметической подтяжки щек и подбородка, так и в лечебно-оздоровительных целях. Умывшаяся порозовевшая Лерка выбежала из ванной:

– Ну что, тоже хочешь попробовать?

Я чуть не выронила чудо-трубку из рук.

– Электрошок, разработанный российским ОМОНОм в лечебных целях? Нет, и не уговаривай.

– Ну, дело твое. – И Лерка, взяв у меня из рук стимулятор, подошла к большому трюмо, уставилась в большое овальное зеркало, приложила трубку к подбородку и повернула рычажок. Трубка еле слышно загудела.

– Что еще? – сама себя спросила Лера. – Ах да, надо еще кнопку нажать. Наверное, самый маленький ток?

Я торопливо закивала. Лерка нажала кнопку и чуть слыш-

но пискнула:

– Ой, больно!

– Так брось его! – посоветовала я, но подруга лишь упрямо замотала головой. Дальнейшую экзекуцию она терпела молча. Ее подбородок странно дергался, но Лера не отнимала от него трубку. Но ее терпения хватило ненадолго. Уже ни с кем не советуясь, она быстро нажала на вторую кнопку. Ее подбородок затрясся вдвое сильнее, из глаз несчастной потекли слезы. Но она, стиснув зубы, все прижимала к шее злополучный стимулятор. Мне казалось, пытка длится несколько часов, но, когда Лерка наконец отняла трубку от шеи, оказалось, что прошло ровно десять минут. Отбросив жуткий аппарат, Лерка со стоном перевела дыхание и вновь повернулась к большому зеркалу:

– Полька, ну точно: он подтянулся!

Я покосилась на ее подбородок, но промолчала. Может, кожа и подтянулась, но я и раньше не замечала в леркином подбородке никаких дефектов, так что мне сложно оценить результат. И потом, кому нужна красота ценой таких жертв?

– Полька, так не нужна мне никакая мезотерапия за тысячу долларов! – в полном восторге кричала Лера. – Я сейчас мышцы щек и рта подтяну, и через неделю буду как новенькая!

Она несколько раз крутанулась на одной ноге вокруг своей оси, нажала на рычажок и, глядя в зеркало, осторожно приложила загудевшую трубку к правой щеке.

– Ох! – вырвался у нее короткий вскрик, я в тревоге вскочила с дивана, но Лерка вновь стиснула зубы и приложила отвалившуюся было трубку обратно к щеке. Я опять развалилась на диване, с нетерпением ожидая окончания экзекуции. Ровно через десять минут Лера отняла трубку от лица, повернулась к зеркалу... и комнату сотряс жуткий, истошный вой.

– Что случилось! – в ужасе я вскочила на ноги. Не прекращая жуткого воя, Лерка развернулась ко мне лицом, и я в полубомороке рухнула обратно, с трудом удержавшись от ответного вопля.

Честно скажу, зрелище было не для слабонервных. Милостивое прежде лицо подруги теперь напоминало ритуальную маску смерти какого-нибудь африканского племени. Левая половина лица осталась неизменной, зато правая сторона, сведенная судорогой, была несимметрично сплюснута, угол рта поднялся наверх, растягивая лицо в кошмарную полуулыбку, обнажавшую неровный правый клык сбоку. Правый глаз оказался сильно прищуренным, из-за чего смотрелся вдвое меньше левого. Короче, Леркой сейчас можно было пугать не только маленьких детей, но и вполне взрослых мужиков.

– Лера, да с чего тебя так перекосило... – начала я, но тут же осеклась. Во-первых, подруга сейчас вряд ли могла бы рассуждать логично, а во-вторых, причину жуткой метаморфозы я уже поняла сама. Видимо, слишком сильный разряд

задел какой-то лицевой нерв, вот щеку и перекосило. Вопрос теперь заключался в другом – как вернуть правую щеку на место? На мгновение мелькнула ехидная мыслишка о том, что после пережитого шока принявшее нормальную форму лицо покажется Лерке эталоном красоты, но я тут же отогнала не вовремя подступившее веселье и сосредоточилась на возникшей проблеме. Первое, что мне пришло в голову, – надо срочно звонить магистру Огуречной, подсунувшей нам злосчастный аппарат, и выяснять, как снять судорогу.

Лерка перестала выть и теперь просто заливалась слезами, глядя на себя в зеркало. Я подошла к ней, осторожно обняла за плечи и ласково сказала:

– Не переживай, судорога скоро пройдет. Давай твоей врачихе позвоним?

Лерка кивнула, не переставая безутешно реветь. Потратив еще некоторое время на уговоры, я все же получила от бедолаги визитку с координатами клиники и решительно позвонила в регистратуру:

– Позовите, пожалуйста, доктора Огуречную!

– Вы записаны? – осведомился ледяной голос на том конце провода.

– Мы только что у вас были. Но возникли проблемы, и нам срочно нужна консультация.

– Сейчас спрошу у доктора, будет ли она разговаривать с вами.

На том конце трубки заиграла приятная музыка. Шепотом

успокаивая Леру, я ждала примерно пять минут, когда наконец регистраторша возникла вновь:

– Очень сожалею, но у магистра сейчас клиентка, – четко произнесла она. – Если нужна консультация, могу записать вас на послезавтра.

– Проблема не терпит отлагательства!

– Все так говорят! – и в трубке зазвучали короткие гудки. Я почувствовала, как в груди поднимается ярость. Вот это да – изуродовали девчонку, а теперь даже по телефону говорить не хотят!

– Лера, надо немедленно ехать в клинику. Ворвемся в кабинет, напугаем мерзкую врачиху твоим лицом. По телефону говорить не пожелала, пусть вживую порадуетя!

– Куда я могу ешать в таком фиде, – с трудом двигая перекосенными губами, прошипела Лера.

– Такси вызовем, – и я тут же позвонила по застрявшему в памяти телефону таксомоторов. На мой взгляд, выхода у нас все равно не было – кто знает, сколько длится судорога? Что ж теперь, Лере неделю дома сидеть?

Такси прибыло через минут пятнадцать. Прикрывая лицо широким оранжевым шелковым платком на манер восточных женщин, Лерка, жалобно охая, спустилась к машине и быстро прошмыгнула на заднее сиденье. К счастью, таксист попался нелюбопытный или просто рассеянный, и на выглядывающий из-под платка прищуренный правый глаз внимания не обратил. Еще через десять минут мы уже были в кли-

нике.

– Вы записаны? – увидев нас, все тем же механическим голосом спросила регистраторша. В ответ Лерка резко откинула с лица платок.

– Что... что... за хулиганство? – враз севшим голосом пролепетала тетка.

– Это вы нам про хулиганство говорите? – зловещим тоном спросила я. – У этой девушки еще час назад было вполне приличное лицо! Вот что натворил аппарат вашей докторши! А она даже к телефону подойти не пожелала!

– Куда... к какому телефону? – регистраторша явно была деморализована. Впрочем, я ее прекрасно понимала. Вряд ли в эту ночь она сможет спокойно уснуть.

Не отвечая, я схватила Лерку за руку и потянула по коридорчику к знакомому кабинету. Сзади раздавалось тихое кваканье, и лишь когда я уже взялась за заветную ручку двери, в спину полетел истошный крик:

– Куда вы? Там клиентка!

– Отлично, пусть тоже порадуетя! – торопливо проталкивая Лерку в кабинет, злорадно ответила я. – Мы еще и в суд на вашу контору подадим! Будете знать, как людей уродовать!

У докторши в кабинете действительно сидела немолодая женщина с приятным, хотя несколько поблекшим лицом. Лерка машинально прикрыла платком изуродованное судорогой лицо и остановилась возле двери, а я решительно шаг-

нула к столу.

– Девушки, что вы себе позволяете! – полная докторша грозно выпрямилась нам навстречу. – Вы не видите – я занята!

– Лучше вы на вашу бывшую клиентку посмотрите, – ласково предложила я. – Уверена, прямо сейчас вы освободитесь. Дама, – обратилась я к обескураженной женщине, сидевшей на том самом кресле, что и Лерка час назад. – Эта девушка была очень даже милovidной до визита вот в эту клинику. Посмотрите, во что она превратилась сейчас.

Повинуясь моему настойчивому взгляду, Лерка вновь откинула с лица платок. Клиентка тоненько закричала и вскочила, и даже грозная докторша заметно побледнела.

– Что... что это с ней? – чуть слышно пробормотала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.